

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskyyvladimir.ru/> приятного чтения!

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский

1925–1926

ИСПАНИЯ

Ты – я думал –

райский сад.

Ложь

подпивших бардов.

Нет –

живьем я вижу

склад

«ЛЕОПОЛЬДО ПАРДО».

Из прилипших к скалам сёл

опустясь с опаской,

чистокровнейший осёл

шпарит по-испански.

Всё плебейство выбив вон,

в шляпы влезла по нос.

Стал

простецкий

«телефон»

гордым

«телефонос».

Чернь волос

в цветах горит.

Щеки в шаль орамив,

сотня с лишним

сеньорит

машет веерами.

От медуз

воде синё.

Глуби –

вёрсты мера.

Из товарищей

«сеньор»

стал

и «кабальеро».

Кастаньеты гонят сонь.

Визги...

пеньё...

страсти!

А на что мне это все?

Как собаке – здрасите!

22. VI. Santander[1].

6 МОНАХИНЬ

Воздев

печенье

картошки личек,

черней,

чем негр,

не выдавший бань,

шестеро благочестивейших католичек

влезло

на борт

парохода «Эспань».

И сзади

и спереди

ровней, чем веревка.

Шали,

как с гвоздика,

с плеч висят,

а лица

обвила

белейшая гофрировка,

как в пасху

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
гофрируют

ножки поросят.
Пусть заполнится годами
жизни квота –
стоит
только
раздирает
вспомнить это диво,
рот
зевота
шире Мексиканского залива.
Трезвые,
чистые,
вместе,
как раствор борной,
эскадронам, садятся есть.
Победа, сообща
скрываются в уборной.
Одна зевнула –
зевают шесть.
Вместо известных
симметричных мест,
где у женщин выпуклость, –
у этих выем:
в одной выемке –
серебряный крест,
в другой – медали
со Львом
и с Пиетом.
Продрав глазенки
раньше, чем можно, –
в раю
(у ж о!)
отоспятся лишек, –
оркестром без дирижера
шесть дорожных
вынимают
евангелишек,
Придешь ночью –
сидят и бормочут.
Рассвет в розы –
бормочут, стервозы!
И днем,
и ночью, и в утра, и в полдни
сидят
и бормочут,
дуры господни.
Если ж
день
чуть-чуть
помрачнеет с виду,
сойдут в кабину,
12 галош
наденут вместе
и снова выйдут,
идет
елейный скулёж.
Мне б
язык испанский!
Я б спросил, взъяренный:
– Ангелицы,
попросту
ответ поэту дайте –
если
люди вы,
то кто ж
тогда
Страница 2

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
вороны?

А если вы вороны,
почему вы не летаете?
Агитпропщики!
не лезьте вон из кожи.
Весь земной
обревизуйте шар.
Самый
замечательный безбожник
не придумает
кошунственнее шарж!
Радуйся, распятый Иисусе,
не слезай
с гвоздей своей доски,
а вторично явишься –
с ю д а
не суйся –
всё равно:
повесишься с тоски!
26/VI Атлантический океан.
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
Испанский камень
слепащ и бел,
а стены –
зубьями пил.
Пароход
до двенадцати
уголь ел
и пресную воду пил.
Повел
пароход
окованным носом
и в час,
сопя,
вобрал якоря
и понесся.
Европа
скрылась, мельчась.
Бегут
по бортам
водяные глыбы,
огромные,
как годá.
Надо мною птицы,
подо мною рыбы,
а кругом –
вода.
Недели
грудью своей атлетической –
то работяга,
то в стельку пьян –
вздыхает
и гремит
Атлантический
океан.
«Мне бы, братцы,
к Сахаре подобраться...
Развернись и плюнь –
пароход внизу.
Хочу топлю,
хочу везу.
Выходи сухой –
сварю ухой.
Людей не надо нам –
малы к обеду.
Не трону...
ладно...

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
пускай едут...»

Волны

будоражить мастера:
детство выплеснут;

другому –

голос милой.

Ну, а мне б

опять

знамена простирать!

Вон –

пошло,

затарахтело,

загромило!

И снова

вода

присмирела сквозная,

и нет

никаких сомнений ни в ком.

И вдруг,

откуда-то –

черт его знает! –

встает

из глубин

воднячий Ревком.

И гвардия капель –

воды партизаны –

взбираются

ввысь

с океанского рва,

до неба метнутся

и падают заново,

порфиру пены в клочки изодрав.

И снова

спаялись воды в одно,

волне

повелев

разбурлиться вождем.

И прет волница

с под тучи

на дно –

приказы

и лозунги

сыплет дождем.

И волны

клянутся

всеводному Цику

оружие бурь

до победы не класть.

И вот победили –

экватору в циркуль

Советов-капель бескрайняя власть.

Последних волн небольшие митинги

шумят

о чем-то

в возвышенном стиле.

И вот

океан

улыбнулся умытенький

и замер

на время

в покое и в штиле.

Смотрю за перила.

Старайтесь, приятели!

Под трапом,

нависшим

ажурным мостком,

при океанском предприятии

потеет

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
над чем-то

волновий местком.
И под водой
деловито и тихо
дворцом
растет
кораллов плетенка,
чтоб легче жилось
трудовой китихе
с рабочим китом
и дошкольным китенком.
Уже
и луну
положили дорожкой.
Хоть прямо
на пузе,
как по суку, лазь.
Но враг не сунется –
в небо
сторожко
глядит,
не сморгнув,
Атлантический глаз.
То стынешь
в блеске лунного лака,
то стонешь,
облитый пеною ран.
Смотрю,
смотрю –
и всегда одинаков,
любим,
близок мне океан.
Вовек
твой грохот
удержит ухо.
В глаза
тебя
опрокинуть рад.
По шири,
по делу,
по крови,
по духу –
моей революции
старший брат.

2. VII. Океан.
БЛЕК ЭНД УАЙТ
Если

Гавану
окинуть мигом –
рай-страна,
страна что надо.
Под пальмой
на ножке
стоят фламинго.
Цветет
коларио
по всей Ведадо.
В Гаване
все
разграничено четко:
у белых доллары,
у черных – нет.
Поэтому
Вилли
стоит со щеткой
у «Энри Клей энд Бок, лимитед».
Много
за жизнь

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

повымел Вилли –

одних пылинок

целый лес, –

поэтому

волос у Вилли

вылез,

поэтому

живот у Вилли

влез.

Мал его радостей тусклый спектр:

шесть часов поспать на боку,

да разве что

вор,

портовой инспектор,

кинет

негру

цент на бегу.

От этой грязи скроешься разве?

Разве что

стали б

ходить на голове.

И то

намели бы

больше грязи:

волосьев тыщи,

а ног –

две.

Рядом

шла

нарядная Прадо.

То звякнет,

то вспыхнет

трехверстный джаз.

Дурню покажется,

что и взаправду

бывший рай

в Гаване как раз.

В мозгу у Вилли

мало извилин,

мало восходов,

мало посева.

Одно

единственное

вызубрил Вилли

тверже,

чем камень

памятника Масео:

«Белый

ест

ананас спелый,

черный –

гнилью моченый.

Белую работу

делает белый,

черную работу –

черный».

Мало вопросов Вилли сверлили.

Но один был

закорюка из закорюк.

И когда

вопрос этот

влезал в Вилли,

щетка

падала

из Виллиных рук.

И надо же случиться,

чтоб как раз тогда

к королю сигарному

Страница 6

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Энри Клей

пришел,
белей, чем облаков стада,
величественнейший из сахарных королей.
Негр
подходит к туше дебелой:
«Ай бэг ёр пэрдон, мистер Брэгг!
Почему и сахар,
белый-белый,
должен делать
черный негр?
Черная сигара
не идет в усах вам –
она для негра
с черными усами.
А если вы
любите
кофий с сахаром,
то сахар
извольте
делать сами».
Такой вопрос
не проходит даром.
Король
из белого
становится желт.
Вывернулся
король
сообразно с ударом,
выбросил обе перчатки
и ушел.
Цвели
кругом
чудеса ботаники.
Бананы
сплетали
сплошной кров.
Вытер
негр
о белые подштанники
руку,
с носа утершую кровь.
Негр
посопел подбитым носом,
поднял щетку,
держась за скулу.
Откуда знать ему,
что с таким вопросом
надо обращаться
в Коминтерн,
в Москву?

5. VII. Гавана.
МЕЛКАЯ ФИЛОСОФИЯ НА ГЛУБОКИХ МЕСТАХ
Превращусь
не в Толстого, так в толстого, –
ем,

пишу,
от жары балда.
Кто над морем не философствовал?
Вода.
Вчера
океан был злой,
как черт,
сегодня
смирнейшей
голубицы на яйцах.
Какая разница!

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Все течет...

Все меняется.

Есть

у воды

своя пора:

часы прилива,

часы отлива.

А у Стеклова

вода

не сходила с пера.

Несправедливо.

Дохлая рыбка

плывет одна.

Висят

плавнички,

как подбитые крылышки.

Плывет недели,

и нет ей –

ни дна,

ни покрышки.

Навстречу

медленней, чем тело тюленья,

пароход из Мексики,

а мы –

туда.

Иначе и нельзя.

Разделение

труда.

Это кит – говорят.

Возможно и так.

Вроде рыбьего Бедного –

обхвата в три.

Только у Демьяна усы наружу,

а у кита

внутри.

Годы – чайки.

Вылетят в ряд –

и в воду –

брюшко рыбешкой пичкать.

Скрылись чайки.

В сущности говоря,

где птички?

Я родился,

рос,

кормили соскою, –

жил,

работал,

стал староват...

Вот и жизнь пройдет,

как прошли Азорские

острова

3 июля. Атлантический океан.

СИФИЛИС

Пароход подошел,

завыл,

погудел –

и скован,

как каторжник беглый.

На палубе

700 человек людей,

остальные –

негры.

Подплыл

катерок

с одного бочка.

Вбежав

по лесенке хромой,

осматривал

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
врач в роговых очках:

«Которые с трахомой?»

Припудрив прыщи

и наружность вымыв,

с кокетством себя волоча,
первый класс

дефилировал

мимо

улыбавшегося врача.

Дым

голубой

из двустволки ноздрей

колечком

единым

свив,

первым

шел

в алмазной заре

свиной король –

Свифт.

Трубка

воняет,

в метр длиной.

Попробуй к такому –

полезь!

Под шелком кальсон,

под батистом-лино́

поди,

разбери болезнь.

«Остров,

дай

воздержанья зарок!

Остановить велите!»

Но взял

капитан

под козырек,

и спущен Свифт –

сифилитик.

За первым классом

шел второй.

Исследуя

этот класс,

врач

удивлялся,

что ноздри с дырой, –

лез

и в ухо

и в глаз.

Врач смотрел,

губу своротив,

нос

под очками

взмóрща.

Врач

троих

послал в карантин

из

второклассного сборища.

За вторым

надвигался

третий класс,

черный от негритья.

Врач посмотрел:

четвертый час,

время коктейлей

питья.

– Гоните обратно

трюму в щель!

Страница 9

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

Больные – видно и так.
Грязный вид... И вообще –
оспа не привита.–
У негра виски ревмя ревут.
Валяется в трюме Том.
Назавтра Тому оспе привьют –
и Том возвратится в дом.
На берегу у Тома жена.
Волоса густые, как нефть.
И кожа ее черна и жирна,
как вакса «Черный лев».
Пока по работам Том болтается
– у Кубы губа не дура,–
жену его прогнали с плантаций
за неотработку натурой.
Луна в океан накидала монет,
хоть сбросся, вбежав на насыпь!
Недели ни хлеба, ни мяса нет.
Недели – одни ананасы.
Опять пароход привинтило винтом.
Следующий – через недели!
Как дожждаться с голодным ртом?
– Забыл, разлюбил, забросил Том!
С белой рогожу делит! –
Не заработать ей и не скрасть.
Везде полисмены под зонтиком.
А мистеру Свифту последнюю страсть
раздула эта экзотика.
Потело тело под бельецом

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
не фунт с осьмушкой».

Лазит Колумб
глаза аж навывате,
пустился во-всю:
со знаменитым
что яйцо? –
И день
не оттянешь
Ходит команда
«Крепка
Кончай,
И кортики
– «Земля!» –
Как я вот
и в розовый
вглазелись.
с кольцом экватора
вставал
б
Года прошли.
смельчал Атлантический,
С бортов «Мажестиков»
плюет
Колумб!
В вонючих трюмах
с машинным адом
лежат,
А сверху,
катаясь пузом
в уюте читален,
плывут синьоры,

на брэмсель с фóка,
исхудал лицом;
придумал фокус
Колумбовым яйцом.
игрушка на́ день.
у жизни-воровки.
на Колумба глядя:
петля
из генуэзской веревки.
Христофор,
собачий век!..»
воздух
во тьме секут.
Горизонт в туманной
кайме.
в растущую Мексику
этот
песок на заре,
Не смеют надеяться:
в медной ноздре
материк индейцев.
В старика
шипунa
гордый смолоду.
любая шпана
в твою
седоусую морду.
Пропало твое наследство!
твои потомки
в горящем соседстве
под щеку
подложивши котомки.
в цветах первоклассных розеток,
от танцев
до пьянки,
кино
и клозетов

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
донны

и янки.
Ты балда, Колумб, –
скажу по чести.
Что касается меня,
то я бы лично –
я б Америку закрыл,
слегка почистил,
а потом
опять открыл –
вторично.

Атлантический океан 7.VII.
ТРОПИКИ
(ДОРОГА ВЕРА-КРУЦ – МЕХИКО-СИТИ)
Смотрю:

вот это –
тропики.

Всю жизнь
вдыхаю наново я.
А поезд
прет торопкий
сквозь пальмы,
сквозь банановые.

Их силуэты-веники
встают рисунком тошненьким:
не то они – священники,
не то они – художники.
Аж сам
не веришь факту:
из всей бузы и вара
встает

растенье – кактус
трубой от самовара.
А птички в этой печке
красивей всякой меры.
По смыслу –
воробейчики,
а видом –
шантеклеры.

Но прежде чем
осмыслил лес
и бред,
и жар,
и день я –
и день
и лес исчез
без вечера
и без
предупрежденья.

Где горизонта борозда?!
Все линии
потеряны.

Скажи,
которая звезда
и где
глаза пантерины?
Не счел бы
лучший казначей
звезды
тропических ночей,
настолько
ночи августа
звездой набиты
нагусто.

Смотрю:
ни зги, ни тропки.
Всю жизнь

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
вдыхаю наново я.

А поезд прет
сквозь запахи сквозь тропики,
банановые.
МЕКСИКА
О, как эта жизнь читалась взасос!
Идешь. Наступаешь на ноги.
В руках превращается
ранец в лассо,
а клячи пролеток – мустанги.
Взаправду игрушечный
рос магазин,
ревел пароходный гудок.
Сейчас же сбегу
в страну мокассин –
лишь сбондю рубль и бульдог.
А сегодня – это не умора.
Сколько миль воды винтом нарыто, –
и встает живьем
страна Фениамора
Купера и Майн-Рида.
Рев сирен,
кончается вода.
Мы прикручены к земле
о локоть локоть.
И берет набитый «Лефом» чемодан
Монтигомо
Ястребиный Коготь.
Глаз торопится слезой налиться.
Как? Чему я рад? –
– Ястребиный Коготь!
Я ж твой «Бледнолицый
Брат».
Где товарищи?
чего таишься?
Помнишь,
из-за клумбы
стрелами
отравленными
били в Кутаисе
мы
по кораблям Колумба? –
Цедит злобно
коготь ястребиный,
медленно,
как треснувшая крынка:
– Нету краснокожих – истребили
гачупины с гринго.
Ну, а тех из нас,
которых

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
пульки

пощадили,
кабаками просвистевши мимо,
добивает кактусовый «пульке»
Заменяла по 12-ти сантимов.
стрелы, чемоданов куча
от которых никуда не деться... –
Огрызнулся и пошел, сомбреро нахлобуча
вместо радуги из перьев птицы Кэтцаль.
Года и столетья!
склоненные головы дней, – Как ни косите
корявые камни Мехико-сити
прошедшее вышепчут мне.
Это было так давно, как будто не было.
Бабушки столетних попугаев не запомнят.
Здесь из зыби озера вставал Пуэбло,
дом-коммуна в десять тысяч комнат.
И золото между озерных зыбей
лежало, аж рыть не надо вам.
Чего еще, живи, бронзовой,
вторая сестра Элладова!
Но очень надо за морем белым,
чего индейцу не надо.
Жадна у белого Изабелла,
жена короля Фердинанда.
Тяжек испанских пушек груз.
Сквозь пальмы, сквозь кактусы лез
по этой дороге из Вера-Круц
генерал Эрнандо Кортес.
Пришел. Вода студеная хочет
вскипеть кипятком от огня.
Дерутся 72 ночи
и 72 дня.
Хранят

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
краснокожих

двумордые идолы.

От пушек

не видно вреда.

Как мышь на сало,

прельстясь на титулы,

своих

Моктецума предал.

Напрасно,

разбитых

в отряды спаяв,

Гватéмок

в озерной воде

мок.

Что

против пушек

стреленка твоя!..

Под пытками

умер Гватéмок.

И вот стоим,

индеец да я,

товарищ

далекого детства.

Он умер,

чтоб в бронзе

веками стоять

наискосок от полпредства.

Внизу

громыкает

столетий орда,

и горько стоять индейцу.

Что братьям его,

рабам,

чехарда

всех этих Хуэрт

и Диэцов?..

Прошла

годов трезначная сумма,

Героика

нынче не тема.

Пивною маркой стал Моктецума,

пивной маркой –

Гватéмок.

Буржуи

всё

под одно стригут.

Вконец обесцветили мир мы.

Теперь

в утешенье земле-старик

лишь две

конкуrentки фирмы.

Ни лиц пожелтелых,

ни солнца одёж.

В какую

огромную лупу,

в какой труппе

теперь

найдешь

сарape и Гваделупу?

Что Рига, что Мехико –

родственный жанр.

Латвия

тропического леса.

Вся разница:

зонтик в руке у рижан,

а у мексиканцев

«Смит и Вéссон».

Две Латвии

Страница 19

ацтек,
метис
и креол.
Милльон не угробят богатых лопаты.
Страна!
Поди,
покори ее!
Встают
взамен одного Запаты
Гальваны,
Морено,
Карио.
Сметай
с горбов
толстопузых обузу,
ацтек,
креол
и метис!
Скорей
над мексиканским арбузом,
багровое знамя, взметись!
Мехико-сити 20/VII – 1925.
БОГОМЛЬНОЕ
Большевики
надругались над верой православной.
В храмах-клубах –
словесные бои.
Колокола без языков –
немые словно.
По божьим престолом
похабничают воробьи.
Без веры
и нравственность ищем напрасно.
Чтоб нравственным быть –
кадилами вей.
Вот Мексика, например,
потому и нравственна,
что прут
богомолки
к вратам церквей.
Кафедраль –
богомольнейший из монашых институтцев.
Брат «Notre-Dame'a»
на площади, –
а около,
запужена народом,
«Площадь Конституции»,
в простонародии –
«Площадь Сóкола».
Блестящий
двенадцатицилиндровый
Пакард
остановил шофер,
простоватый хлопец.
– Стой, – говорит, –
помолюсь пока...–
донна Эсперанца Хуан-де-Лопец.
Нету донны
ни час, ни полтора.
Видно, замолилась.
Веровать так веровать.
И снится шоферу –
донна у алтаря.
Парит
голубочком
душа шоферова.
А в кафедрале

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Хуан-де-Лопец

сегодня усердно молилась.
МЕКСИКА – НЬЮ-ЙОРК
Бежала Мексика от буферов
горящим, сияющим бредом.
И вот под мостом река или ров,
делящая два Ларедо.
Там доблести – скачут, коня загоня,
в пятак попадают из кольта,
и скачет конь, и брюхо коня
о колкий кактус исколото.
А здесь железо – не расшатать!
Ни воли, ни жизни, ни нерва вам!
И сразу рябит тюрьма решета
вам для знакомства для первого.
По рельсам поезд сыпет,
под рельсой шпалы сыпятся.
И гладью Миссисипи
под нами миссисипится.
По бокам поезда не устанут сновать:
или хвост мелькнет, или нос.
На боках поездных страновеют слова:
«Сан Луис», «Мичиган», «Иллинойс»!
Дальше, поезд огнями расцветенный!
Лез, обгоняет, храпит.
В Нью-Йорк несется «Твенти сэнчери
экспресс». курьерский! Рапид!
Кругом дома, в этажи затеряв
путей и проволок множь.
Теряй шапчонку,

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

глаза задерж,
все равно – ничего не поймешь!
БРОДВЕЙ
Асфальт – стекло. Иду и звеню.
Леса и травинки сбриты.
На север с юга
идут авеню,
на запад с востока – стриты.
А между – (куда их строитель завез!) –
дома невозможной длины.
Одни дома длиною до звезд,
другие – длиной до луны.
Янки подошвами шлепать ленив:
простой и курьерский лифт.
В 7 часов человечесий прилив,
в 17 часов – отлив.
Скрежещет механика, звон и гам,
а люди немые в звоне.
И лишь замедляют жевать чуингам,
чтоб бросить: «Мек мóней?»
Мамаша грудь ребенку дала.
Ребенок с каплями из носу,
сосет как будто не грудь, а доллар –
занят серьезным бизнесом.
Работа окончена. Тело обвей
в сплошной электрический ветер.
Хочешь под землю – бери собвей,
на небо – бери элевейтер.
Вагоны едут и дымам под рост,
и в пятках домовых трутся,
и вынесут хвост на Бруклинский мост,
и спрячут в норы

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
под Гудзоном.

Тебя ослепило,
ты
осовел.
Но,
как барабанная дробь,
из тьмы по темени:
«Кофе Максвел
гуд
ту ди ласт дроп!».
А лампы
как станут
ночь копать,
ну, я доложу вам –
пламечко!
Налево посмотришь –
мамочка мать!
Направо –
мать моя мамочка!
Есть что поглядеть московской братве.
И за́ день
в конец не дойдут.
Это Нью-Йорк.
Это Бродвей.
Гау ду ю ду!
Я в восторге
от Нью-Йорка города.
Но
кепчонку
не сдерну с виска.
У советских
собственная гордость:
на буржуев
смотрим свысока.
6 августа. Нью-Йорк.
СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ
Вид индейцев таков:
пернат,
смешон
и нездешен.
Они
приезжают
из первых веков
сквозь лязг
«Пенсильвэниа Стэйшен».
Им
Күлиджи
пару пальцев суют.
Снимают
их
голливудцы.
На крыши ведут
в ресторанный уют.
Под ними,
гульбу разгудевши свою,
нью-йоркские улицы льются.
Кто их радует?
чем их злят?
О чем их дума?
куда их взгляд?
Индейцы думают:
«Ишь –
капитал!
Ну и домá застроил.
Всё отберем
ни за пятак
при

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
социалистическом строе.

Сначала
будут бои клочкотать.
А там ни вражды, ни начальства!
Тишь да гладь да божья благодать –
сплошное луначёрство.
Иными рейсами вспенятся воды;
пойдут пароходы зажаривать,
сюда из Москвы возить переводы
произведений Жарова.
И радио – только мгла легла –
правду-матку вызвенит.
Придет и расскажет на весь вигвам,
в чем красота жизни.
И к правде пойдёт индейская рать,
вздымаясь знаменной уймою...»
Впрочем, зачем про индейцев врать?
Индейцы про это не думают.
Индеец думает:
«Там, где чёрно
воде у моста в оскале,
плескался недавно юркий челнок
деда, искателя скальпов.
А гам, где взвит этажей коробо́к
и жгут миллион киловатт, –
стоял индейский военный бог,
брюхат и головат.
И всё, что теперь вокруг течет,
всё, что отсюда видимо, –
все это вытворил белый черт,
заморская

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
белая ведьма.

Их
всех бы
в лес прогнать
в один,
и мы чтоб
с копьем гонялись...»
Поди
под такую мысль
подведи
классовый анализ.
Мысль человечья
много сложнее,
чем знают
у нас
о ней.
Тряхнув
оперенья нарядную рядь
над пастью
облошаделой,
сошли
и – пока!
пошли вымирать.
А что им
больше
делать?
Подумай
о новом агит-винте.
Винти,
чтоб задор не гас его.
Ждут.
Переводи, Коминтерн,
расовый гнев
на классовый.
БАРЫШНЯ И ВУЛЬВОРТ
Бродвей сдурел.
Бегня и гүлево.
Домá
с небес обрываются
и висят.
Но даже меж ними
 заметишь Вульворт.
Корсетная коробка
этажей под шестьдесят.
Сверху
разведывают
звезд взводы,
в средних
тайпистки
стрекочут бешено.
А в самом нижнем –
«Дрогс со́да,
грет энд фэймус кóмпани-нэйшенал».
А в окошке мисс
семнадцати лет
сидит для рекламы
и точит ножи.
Ржавые лезвия
фирмы «Жиллет»
кладет в патентованный
железный зажим
и гладит
и водит
кожей ремня.
Хотя
усов
не полагается ей,
но водит

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
по губке,

дескать – усы возомня, –
готово, наточил и брей.
Наточит один до сияния лучика
и новый ржавый берет для возни.
Наточит, вынет и сделает ручкой.
Дескать – зайди, купи, возьми.
Буржуем не сделаешься с бритвенной точки.
Бегут без бород и без выражений на лице.
Богатств буржуйских особые источники:
работай на доллар, а выдадут цент.
У меня ни усов, ни долларов, ни шевелюр, –
и в горле застревают английского огрызки.
Но я подхожу и губами шевелю –
как будто через стекло разговариваю по-английски.
«Сидишь, глазами буржуев охлопана.
чем обнадежена? Дура из дур».
А девушке слышится: «Опен,
опен ди дор».
«Что тебе заботиться о чужих усах?
Вот... посадили... как дуру еловую».
А у девушки фантазия раздувает паруса
и слышится девушке: «Ай лóв ю».
Я злею: «Выйдь, окно разломай, –
а бритвы раздай для жирных горл».
Девушке мнится: «Май,
май гóрл».
Выходит фантазия из рамок и мерок –
и я кажусь красивый и толстый.
И чудится девушке – влюбленный клерк
на ней жениться
приходит с Волстрит.
И верит мисс,

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
от счастья дрожа,

что я –
долларовый воротила,
что ей
уже
готовы бесплатно в других этажах
и стол
и квартира.
Как врезать ей
в голову
мысли-ножи,
что русским известно другое средство,
как влезть рабочим
во все этажи
без грез,
без свадеб,
без жданий наследства.
НЕБОСКРЕБ В РАЗРЕЗЕ
ВОЗЬМИ
разбольшущий
дом в Нью-Йорке,
взгляни
насквозь
на зданье на то.
Увидишь –
старейшие
норки да каморки –
совсем
дооктябрьский
Елец аль Конотоп.
Первый –
ювелиры,
караул бессменный,
замок
зацепился ставням о бровь.
В сером
герои кино,
полисмены,
лягут
собаками
за чужое добро.
Третий –
спят бюро-конторы.
Ест
промокашки
рабий пот.
Чтоб мир
не забыл,
хозяин который,
на вывесках
золотом
«Вильям Шпрот».
Пятый.
Подсчитав
приданные сорочки,
мисс
перезрелая
в мечте о женихах.
Вздымая грудью
ажурные строчки,
почесывает
пышных подмышек меха.
Седьмой.
Над очагом
домашним
высясь,
силы сберегши

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
спортом смолоду,

сэр
своей законной миссис,
узнав об измене,
кровавит морду.
Десятый.
Медовый.
Пара легла.
Счастливей,
чем Ева с Адамом были.
Читают
в «Таймсе»
отдел реклам:
«Продажа в рассрочку автомобилей».
Тридцатый.
Акционеры
сидят увлечены,
делят миллиарды,
жадны и озабочены.
Прибыль
треста
«изготовленье ветчины
из лучшей
дохлой
чикагской собачины».
Сороковой.
У спальни
опереточной дивы.
В скважину
замочную,
сосредоточив прыть,
чтоб Кулидж дал развод,
детективы
мужа
должны
в кровати накрыть.
Свободный художник,
рисующий задочки,
дремлет в девяностом,
думает одно:
как бы ухажнуть
за хозяйской дочкой –
да так,
чтоб хозяину
всучить полотно.
А с крыши стаял
скатертный снег.
Лишь ест
в ресторанной выси
большие крохи
уборщик негр,
а маленькие крошки –
крысы.
Я смотрю,
и злость меня берет
на укывшихся
за каменный фасад.
Я стремился
за 7000 верст вперед,
а приехал
на 7 лет назад.
АМЕРИКАНСКИЕ РУССКИЕ
Петров
Каплáном
за пуговицу пойман.
Штаны
заплатаны,
как балканская карта.

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

«Я вам,
сэр,
назначаю апóйнтман.
Вы знаете,
кажется,
мой апáртман?
Тудой пройдете четыре блока,
ПОТОМ
сюдой дадите крен.
А если
стриткáра набита,
около
можете взять
подземный трен.
Возьмите
с меняньем пересядки тикет
и прите спокойно,
будто в телеге.
Слезете на кóрнере
у дрогс ликет,
а мне уж
и пинту
принес бутлéгер.
Приходите ровно
в сэвен оклóк,–
поговорим
про новости в городе
и проведем
по–московски вечерок,–
одни свои:
жена да бóрдер.
А с джабом завозитесь в течение дня
или
раздумаете вовсе –
тогда
обязательно
отзвоните меня.
Я буду
в óфисе».
«Гуд бай!» –
разнеслось окрéст
и кануло
ветру в свист.
Мистер Петров
пошел на Вест,
а мистер Каплан –
на Ист.
Здесь, извольте видеть, «джаб»,
а дома
«цуп» да «цус».
С насыпи
язык
летит на полном пуске.
Скоро
только очень образованный
француз
будет
кое-что
соображать по–русски.
Горланит
по этой Америке самой
стоязыкий
народ–оголтец.
Уж если
Одесса – Одесса–мама,
то Нью–Йорк –
Одесса–отец.
БРУКЛИНСКИЙ МОСТ

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Издай, Кулидж,
радостный клич!
На хорошее

и мне не жалко слов.
От похвал
красней,
как флага нашего материйка,
хоть вы
и разъяняйтед стетс
оф
Америка.
Как в церковь
идет
помешавшийся верующий,
как в скит
удаляется,
строг и прост,—
так я
в вечерней
сереющей мерещи
вхожу,
смиранный, на Бруклинский мост.
Как в город
в сломанный
прет победитель
на пушках — жерлом
жирафу под рост —
так, пьяный славой,
так жить в аппетите,
влезая,
гордый,
на Бруклинский мост.
Как глупый художник
в мадонну музея
вонзает глаз свой,
влюблен и остр,
так я,
с поднебесья,
в звезды усеян,
смотрю
на Нью-Йорк
сквозь Бруклинский мост.
Нью-Йорк
до вечера тяжек
и душен,
забыл,
что тяжело ему
и высоко,
и только одни
домовьи души
встают
в прозрачном свечении окон.
Здесь
еле зудит
элевейтеров зуд.
И только
по этому
тихому зуду
поймешь —
поезда
с дребезжаньем ползут,
как будто
в буфет убирают посуду.
Когда ж,
казалось, с-под речки начатой
развозит
с фабрики
сахар лавочник,—

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

то
размером
я горд
живьем в ней
борьба
расчет суровый
Если
планету
и только
над пылью гибели вздыбленный мост,
то,
тучнеют
так
сумел
Он скажет:
соединяла
отсюда
пустив
Напомнит
сообразите,
чтоб, став
к себе
По проводам
я знаю –
здесь
размером
я горд
живьем в ней
борьба
расчет суровый
Если
планету
и только
над пылью гибели вздыбленный мост,
то,
тучнеют
так
сумел
Он скажет:
соединяла
отсюда
пустив
Напомнит
сообразите,
чтоб, став
к себе
По проводам
я знаю –
здесь
не больше размеров булавочных.
вот этой
стальной милей,
мои видения встали –
за конструкции
вместо стилей,
гаек
и стали.
придет
окончание света –
хаос
разделает влоск,
один останется
ЭТОТ
как из косточек,
тоньше иголок,
в музеях стоящие
ящеры,
с этим мостом
столетий геолог
воссоздать бы
дни настоящие.
– Вот эта
стальная лапа
моря и прерии,
Европа
рвалась на Запад,
по ветру
индейские перья.
машину
ребро вот это –
хватит рук ли,
стальной ногой
на Мангэтен,
за губу
притягивать Бруклин?
электрической пряди –
эпоха
после пара –
люди
уже
орали по радио,
Страница 33

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
здесь

люди
уже
взлетали по аэро.
Здесь
жизнь
была
одним – беззаботная,
другим –
голодный
протяжный вой.
Отсюда
безработные
в Гудзон
кидались
вниз головой.
И дальше
картина моя
без загвоздки
по струнам-канатам,
аж звездам к ногам.
Я вижу –
здесь
стоял Маяковский,
стоял
и стихи слагал по слогам.–
Смотрю,
как в поезд глядит эскимос,
впиваюсь,
как в ухо впивается клещ.
Бруклинский мост –
да...
Это вещь!
100 %
Шеры...
облигации...
доллары...
центы...
В винницкой глуши тьмутараканьясь,
так я рисовал,
вот так мне представлялся
стопроцентный
американец.
Родила сына одна из жен.
Отвернув
пеленочный край,
акушер демонстрирует:
Джон как Джон.
Ол райт!
Девять фунтов,
глаза –
пяточки.
Ощерив зубовой ряд,
отец
протер
роговые очки:
Ол райт!
Очень прост
воспитанья вопрос.
Ползает,
лапы марает.
Лоб расквасил –
ол райт!
нос –
ол райт!
Отец говорит:
«Бездельник Джон.
Ни цента не заработал,

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
а гуляет!»

Мальчишка

Джон

выходит вон.

Ол райт!

Техас,

Калифорния,

Массачузэт.

Ходит

из края в край.

Есть хлеб –

ол райт!

нет –

ол райт!

Подрос,

поплевывает слюну.

Трубчонка

горит, не сгорает.

«Джон,

на пари,

пойдешь на луну?»

Ол райт!

Одну полюбил,

назвал дорогой.

В азарте

играет в рай.

Она изменила,

ушел к другой.

Ол райт!

Наследство Джону.

Расходов –

рой.

Миллион

растаял от трат.

Подсчитал,

улыбнулся –

найдем второй.

Ол райт!

Работа.

Хозяин –

лапчатый гусь –

обкрадывает

и обирает.

Джон

намотал

на бритый ус.

Ол райт!

Хозяин выгнал.

Ну, что ж!

Джон

рассчитаться рад.

Хозяин за кольт,

а Джон за нож.

Ол райт!

Джон

хозяйской пулей сражен.

Шепчутся:

«Умирает».

Джон услышал,

усмехнулся Джон.

Ол райт!

Гроб.

Квадрат прокопали черный.

Земля –

как по крыше град.

Врыли.

Могильщик

вздохнул облегченно.

Страница 35

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Ол райт!

Этих Джонов

нету в Нью-Йорке.

Мистер Джон,

жена его

и кот

зажирели,

спят

в своей квартирной норке,

просыпаясь

изредка

от собственных икот.

я разбезалаберный до крайности,
но судьбе

не любящий

учтиво кланяться,

я,

поэт,

и то американистей

самого что ни на есть

американца.

ВЫЗОВ

Горы злобы

аж ноги гнут.

Даже

шея вспухает зобом.

Лезет в рот,

в глаза и внутрь.

Оседая,

влезает злоба.

Весь в огне.

Стою на Риверсайде.

Сбоку

фордами

штурмуют мрака форт.

Небоскребы

локти скручивают сзади,

впереди

американский флот.

Я смеюсь

над их атакою тройною.

Ники Картеры

мою

не доглядели визу.

Я

полпред стиха –

и я

с моей страной

вашим штатишкам

бросаю вызов.

Если

кроха протухла,

плéснится,

выбрось

весь

прогнивший кус.

Сплюнул я,

не доев и месяца

вашу доблесть,

законы,

вкус.

Посылаю к чертям свинячим

все доллары

всех держав.

Мне бы

кончить жизнь

в штанах,

в которых начал,

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
ничего

за век свой
не стяжав.
Нам смешны
дозволенного зоны.
Взвод мужей,
остолбенеи,
Мы целуем
– беззаконно! –
цинизмом поражен!
ваших
над Гудзоном
длинноногих жен.
День наш
шумен.
И вечер пышен.
Шлите
сыщиков
в щелки слушать.
Пьем,
плюя
на ваш прогибишен,
ежедневную
«Белую лошадь».
Вот и я
стихом побрататься
прикатил и вбиваю мысли,
не боящиеся депортаций:
ни сослать их нельзя
и не выселить.
Мысль
сменяют слова,
а слова –
дела,
и, глядишь,
с небоскребов города,
раскачав,
в мостовые
вбивают тела –
Вандерлипов,
Рокфеллеров,
Фордов.
Но пока
доллар
всех поэм родовей.
Обирая,
лапя,
хапая,
выступает,
порфирой надев Бродвей,
капитал –
его препобабие.
ПОРЯДОЧНЫЙ ГРАЖДАНИН
Если глаз твой
врага не видит,
пыл твой выпили
нэп и торг,
если ты
отвык ненавидеть, –
приезжай
сюда,
в Нью-Йорк.
Чтобы, в мили улиц опутан,
в боли игл
фонарных ежей,
ты прошел бы
со мной

лилипутом

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
у подножия

их этажей.
Видишь –
вон
выгребают мусор –
на обедках
с детьми пронянчиться,
чтоб в авто,
обгоняя «бусы»,
ко дворцам
неслись бриллианщицы.
Загляни
в окошки в эти –
здесь
наряд им вышили княжий.
Только
сталью глушит элевейтер
хрип
и кашель
чахотки портняжей.
А хозяин –
липкий студень –
с мордой,
вспухшей на радость чирю,
у работницы
щупает груди:
«Кто понравится –
удочерю!
Двести дам
(если сотни мало),
грусть
сгоню
навсегда с очей!
Будет
жизнь твоя –
Куни-Айланд,
луна-парк
в миллиард свечей».
Уведет –
а назавтра
звёрья,
волчья банда
беспольх старух
проститутку –
в смолу и в перья,
и опять
в смолу и в пух.
А хозяин
в отеле Плаза,
через рюмку
и с богом сблизясь,
закатил
в поднебесье глазки:
«Сёнк'ю
за хороший бизнес!»
Успокойтесь,
вне опасения
ваша трезвость,
нравственность,
дети,
барабаны
«армий спасения»
вашу
в мир
Бог
на вас
трубят добродетель.
не разукоризнится:

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
с вас

и маме их –
на платок,
и ему
соберет для ризницы
божий менаджер,
поп Платон.
Клоб полиций
на вас не свалится.
Чтобы ты
добрел, как кулич,
смотрит сквозь холёные пальцы
на тебя
демократ Кулидж.
И, елозя
по небьим сводам
стражем ханжества,
центов и сала,
пялит
руку
ваша свобода
над тюрьмою
Элис-Айланд.
КЕМП «НИТ ГЕДАЙГЕ»
Запретить совсем бы
ночи-негодяйке
выпускать
из пасти
столько звездных жал.
Я лежу, –
палатка
в кемпе «Нит гедайге».
Не по мне все это.
Не к чему...
и жаль...
Взвоят
и замрут сирены над Гудзоном,
будто бы решают:
выть или не выть?
Лучше бы не выли.
Пассажирам сонным
надо просыпаться,
думать,
есть,
любить...
Прямо
перед мордой
пролетает вечность –
бесконечнасый распустила хвост.
Были б все одеты,
и в бельё, конечно,
если б время
ткало
не часы,
а холст.
Впречь бы это
время
в приводной бы ремень, –
спустят
с холостого –
и чеши и сыпь!
чтобы
не часы показывали время,
а чтоб время
честно
двигало часы.
Ну, американец...
тоже...

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
чем гордится.

Втер очки Нью-Йорком.

Видели его.

Сотня этажишек

в небо городится.

Этажи и крыши –

только и всего.

Нами

через пропасть

прямо к коммунизму

перекинут мост,

длиною –

во сто лет.

Что ж,

с мостища с этого

глядим с презрением вниз мы?

Кверху нос задрали?

загордились?

Нет.

Мы

ничьей башки

мостами не морочим.

Что такое мост?

Приспособленье для простуд.

Тоже...

без домов

не проживете очень

на одном

таком

возвышенном мосту.

В мире социальном

те же непорядки:

три доллара за день,

на –

и отвяжись.

А у Форда сколько?

Что играть в прятки!

Ну, скажите, Кулидж, –

разве это жизнь?

Много ль

человеку

(даже Форду)

надо?

Форд –

в миллионах фордов,

сам же Форд –

в аршин.

Мистер Форд,

для вашего,

для высохшего зада

разве мало

двух

просторнейших машин?

Лишек –

в М.К.Х.

Повесим ваш портретик.

Монумент

и то бы

вылепили с вас.

Кланялись бы детки,

вас

случайно встретив.

Мистер Форд –

отдайте!

Даст он...

Черта с два!

За палаткой

мир

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
лежит угрюм и темен.

Вдруг ракетой сон
звенит в унынье в это:
«Мы смело в бой пойдем
за власть советов...»
Ну, и сон приснит вам
полночь-негодяйка!
Только сон ли это?
Слишком громок сон.
Это комсомольцы
Кемпа «Нит гедайге»
песней заставляют
плыть в Москву Гудзон.
20/IX – Нью-Йорк.
ДОМОЙ!
Уходите, мысли, во-свояси.
Обнимись,
души и моря глубь.
Тот,
кто постоянно ясен –
тот,
по-моему,
просто глуп.
Я в худшей каюте
из всех кают –
всю ночь надо мною
ногами куют.
Всю ночь,
покой потолка возмутив,
несется танец,
стонет мотив:
«Маркита,
Маркита,
Маркита моя,
зачем ты,
Маркита,
не любишь меня...»
А зачем
любить меня Марките?!
У меня
и франков даже нет.
А Маркиту
(толечко моргните!)
за сто франков
препроводят в кабинет.
Небольшие деньги –
поживи для шику –
нет,
интеллигент,
взбивая грязь вихров,
будешь всучивать ей
швейную машинку,
по стежкам
строчащую
шелка стихов.
Пролетарии
приходят к коммунизму
низом шахт,
серпов
и вил, –
я ж
с небес поэзии
брошаюсь в коммунизм,
потому что

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
нет мне

без него любви.

Все равно –

сослался сам я

или послан к маме –

слов ржавеет сталь,

чернеет баса медь.

Почему

под иностранными дождями

вымокать мне,

гнить мне

и ржаветь?

Вот лежу,

уехавший за воды,

ленью

еле двигаю

моей машины части.

я себя

советским чувствую

заводом,

вырабатывающим счастье.

Не хочу,

чтоб меня, как цветочек с полян,

рвали

после служебных тягот.

я хочу,

чтоб в дебатах

потел Госплан,

мне давая

задания на год.

я хочу,

чтоб над мыслью

времен комиссар

с приказанием нависал.

я хочу,

чтоб сверхставками спэца

получало

любовищу сердце.

я хочу,

чтоб в конце работы

завком

запирал мои губы

замком.

я хочу,

чтоб к штыку

приравняли перо.

С чугуном чтоб

и с выделкой стали

о работе стихов,

от Политбюро,

чтобы делал

доклады Сталин.

«Так, мол,

и так...

И до самых верхов

прошли

из рабочих нор мы:

в Союзе

Республик

пониманье стихов

выше довоенной нормы...»

Комментарии

Цикл стихотворении под таким заглавием впервые полностью[4] напечатан в кн.: В. Маяковский. «Испания. Океан. Гавана Мексика. Америка», М., ГИЗ, 1926. Вошел в Собр. соч., т. 5.

Расположение стихов в цикле оставлено таким, каким оно было сделано автором в указанных изданиях.

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Цикл стихов об Америке создан Маяковским в связи с его шестой по счету и самой длительной (25 мая – 22 ноября 1925 года) поездкой за границу. Лекционные маршруты Маяковского: Москва – Кенигсберг – Берлин – Париж – Сен-Назер – Сантандер – Гавана – Веракрус – Мехико – Ларедо – Нью-Йорк – Рокавей – Нью-Йорк – Пикскилл – Нью-Йорк – Кливленд – Детройт – Чикаго – Нью-Йорк – Филадельфия – Нью-Йорк – Питсбург – Детройт – Чикаго – Филадельфия – Нью-Йорк – Гавр – Париж – Берлин – Рига – Москва, – в 20-е годы, когда правительство США (вплоть до 1933 года) проводило политику непризнания Советского государства, были беспрецедентны в истории советско-американских культурных связей.

«Поездка Маяковского принесла большие творческие результаты (22 стихотворения и книга очерков «Мое открытие Америки»). Вместе с тем она оказала большое воздействие на сознание многих американцев, впервые встретившихся с «полпредом советской поэзии». После личного знакомства читательской аудитории и писательской общественности с Маяковским интерес в США к творчеству советских поэтов и количество переводов их стихов возросли» (см. В. К. Фураев. Советско-американские научные и культурные связи (1924–1933). Журн. «Вопросы истории». М., 1974, № 3, стр. 41–57).

Общественная деятельность Маяковского на американском континенте во время его поездки оставила заметный след в развитии советско-американских культурных связей, заложила основы для начала обмена между обеими странами в области культуры еще в 20-е годы[5].

Испания. Впервые – газ. «Новый мир», Нью-Йорк, 1925, 14 августа[6] и в кн. «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка».

Написано на борту парохода «Эспань»; в автографе стихотворение датировано: «22.VI. Santander».

б монахинь. Впервые – журн. «Прожектор», М., 1925, № 16, 31 августа, под заглавием «Монашки» и с примечанием: «Атлантический океан. Пароход «Эспань».

В автографе стихотворение датировано: «26/VI. Атлантический океан».

Квота – здесь: норма впуска эмигрантов в Америку.

Атлантический океан. Впервые – газ. «Известия ЦИК», М., 1923, 15 августа.

В сохранившейся авторизованной машинописной копии стихотворение датировано: «2.VII. Океан».

Блек энд уайт. Впервые – журн. «Красная новь», М., 1926. кн. 1, январь, с подзаголовком «Черные и белые».

В автографе стихотворение датировано; «5.VI. Гавана» (по-видимому, описка – надо 5.VII).

По свидетельству современников, во время многочисленных чтений этого стихотворения поэт давал ему другие заглавия: «Негр Вилли», «Вилли из Гаваны», «Сахарный король», «Черные и белые», «Черное и белое».

Блек энд уайт – черное и белое (англ.: black and white).

Под пальмой на ножке стоят фламинго. Цветет коларио по всей Ведадо. – В Собрании сочинений Маяковский сопроводил стихотворение следующими примечаниями:

«Коларио» – гаванские цветы.

Ведадо – загородный квартал богачей.

Прадо – главная улица Гаваны».

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru Масео, Антонио (1845–1896) – один из руководителей борьбы кубинского народа за независимость против испанского колониального владычества. В 1895 году возглавил восстание против колонизаторов; погиб в бою.

Ай бэг ёр пардон – прошу прощения (англ.: I bag your pardon).

Мелкая философия на глубоких местах. Впервые – газ. «Вечерняя Москва», М., 1925, 14 декабря.

Написано на пароходе «Эспань»; в автографе дата: «3 июля. Атлантический океан».

Стихотворение появилось в печати по возвращении Маяковского из заокеанского путешествия. После первой публикации поэт продолжил работу над ним – в направлении еще большей действенности и злободневности. Спустя несколько месяцев в «Красной газете» (Л., вечерний выпуск, 1926, 20 мая) стихотворение появилось в новой редакции.

Однако в Собрание сочинений Маяковский включил стихотворение в первоначальном варианте; вторая редакция осталась «боковой».

Стеклов (Нахамкис) Ю. М. (1873–1941) – публицист, в 1917–1925 гг. главный редактор газеты «Известия ЦИК».

В первой публикации стихотворения фамилия Стеклова была опущена. Маяковский так объяснял это: «Сегодня появилось в «Вечерке» мое стихотворение «Мелкая философия на глубоких местах». Редактор спросил: «Можно ли не включать слова: «А у Стеклова вода не сходила с пера»? Если бы я тогда, когда писал, знал, что Стеклов не является уже редактором «Известий», я бы вычеркнул эти слова сам, они были для меня ценны в работе. Я не протестовал, черкайте, потому что каждый включит свою фамилию на место вычеркнутого Стеклова, если захочет. Каждый может поставить себя: «а у Луначарского вода не сходила с пера», «а у Радека вода не сходила с пера» и т. п. Это одно и то же. И если я не протестовал, то только из-за затаенного желания досадить сразу тридцати человекам, а не только одному». (Выступление на диспуте «Больные вопросы советской печати» – 14 декабря 1925 года.)

Однако во всех других прижизненных публикациях фамилия Стеклова осталась в тексте стихотворения.

Сифилис. Впервые – журн. «Молодая гвардия», М., 1926, № 4, апрель.

Написано по возвращении из Америки.

Открытие Америки (Христофор Колумб) [7]. Впервые – отдельное издание, под заглавием «Открытие Америки», Нью-Йорк, 1925 (вышло в октябре) и «Красная газета», вечерний выпуск, Л., 1925, 6 ноября, под тем же заглавием.

Текст печатается по «Красной газете».

Стихотворение написано на борту парохода «Эспань», на котором Маяковский отправился 21 июня 1925 года в Мексику.

В письме от 3 июля поэт сообщал: «Приходится писать стихи о Христофоре Колумбе, что очень трудно, так как за неимением одесситов трудно узнать, как уменьшительное от Христофор. А рифмовать Колумба (и без того трудного) наудачу на тропиках дело героическое» («Знамя», М., 1941, № 4, стр. 230).

5 ноября 1925 года в «Красной газете» был дан анонс. «Завтра... будет напечатан фельетон Вл. Маяковского, присланный из Америки вечерней «Красной». По всей вероятности, текст для газеты был отправлен поэтом во второй половине октября.

В машинописном тексте стихотворения для «Красной газеты», с правкой Маяковского, с авторской датой: «Атлантический океан 7.VII.25 г.» и с пометкой редактора: «В октябрьский номер» (ГММ): заглавие – «Открытие Америки»; эпиграф – «Христофор Колумб был Христофор Коломб – испанский еврей. Из журналов» – отсутствует, и

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru везде общепринятое начертание имени «Колумб».

В записной книжке № 33 (1925) заглавие: (I) «Христофор», (II) «Христофор Колумб»; эпитафия отсутствует; в тексте одно и то же начертание – «Колумб» (11 раз) (ГММ).

В машинописной копии, в черновом автографе, в письмах, в своих произведениях («Война и мир», «150 000 000», очерке «Мое открытие Америки», статье «В. В. Хлебников» и др.) Маяковский следует общепринятому начертанию имени «Колумб». В стихотворении «Мексика», с авторской датой «Мехико-сити 20/VII.1925», то есть написанном 13 дней спустя после «Открытия Америки» (Христофор Колумб) вновь читаем: «Помнишь, из-за клумбы стрелами отравленными в Кутаисе били мы по кораблям Колумба?».

«Могу... сослаться, – рассказывает Н. И. Харджиев, – и на личное воспоминание. 23 июня 1926 года я слушал Маяковского в Летнем саду в Одессе. Читая «Открытие Америки», поэт не нарушил рифмовки на протяжении всего стихотворения».

«Текст «Красной газеты» и дает окончательную редакцию стихотворения: Маяковский переработал ряд строк, приведя их к полной художественной завершенности», – такой вывод делает Н. И. Харджиев. Эту поправку исследователя следует принять, так как речь идет о восстановлении окончательной авторской редакции.

Изменение начертания «Колумб» на злополучное – «Коломб» впервые появилось в отдельном издании, вышедшем в Нью-Йорке (с рисунками Д. Бурлюка). Известно, что, занятый многочисленными встречами и выступлениями. Маяковский поручил Д. Бурлюку напечатать две книжки. Одну из них Д. Бурлюк, как сообщает Н. И. Харджиев, «самовольно» озаглавил «Солнце в гостях у Маяковского», чем, по сообщению самого предприимчивого Бурлюка, Маяковский был очень недоволен, «но поправить уже было нельзя».

Н. И. Харджиев свидетельствует, что конфликт Маяковского с Бурлюком «был вызван и ошибками книжки «Открытие Америки». «Не подлежит сомнению что именно Бурлюк снабдил американское издание эпитафией», отсутствующим в черновиках, в авторской машинописи и в тексте «Красной газеты». Появление этого эпитафия и потребовало воздействия на текст американского издания (вместо «Колумб» – «Коломб»). Это согласование проведено столь поверхностно только орфографически, без переработки рифм, что их приписать Маяковскому нельзя. Массовое вторжение диссонансных рифм, связанных с именем Колумб, произошло видимо, из-за «медвежьей услуги» Бурлюка.

Текст американского издания был перепечатан в газете «Парижский вестник» (1925, 13 ноября), под заглавием «Открытие Америки» и с подзаголовком «Поэма», затем по случайным причинам этот «первоначальный» дефектный текст, попав в распоряжение составителя, был напечатан в сборнике Маяковского «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка» (М., ГИЗ, 1926) и перекочевал (по тем же причинам) в прижизненное Собрание сочинений (том 5), вытеснив окончательную авторскую редакцию и авторское заглавие – «Открытие Америки».

Христофор Колумб – известный мореплаватель, впоследствии адмирал, родился 25 августа – 31 октября 1451 года в Генуе, умер 20 мая 1506 года (Вальядолид) в Испании: отец его – ремесленник-ткач Доминико Колумб; мать – Сусанна Фонтанаросса.

«Христофора злят, пристают к Христофору: «Что вы за нация? Один Сион!» – Вопрос Колумбовой генеалогии основательно запутан. «Все, кто носил имя Колумба, гордились этим именем и многие ветви одного общего рода наперерыв друг перед другом старались доказать, что их происхождение более или менее тесно связано с величайшим именем, прославившим когда-либо фамильную историю. Это повторение фамилий... особенно часто встречающихся в итальянских семьях, очень затруднило составление родословного древа адмирала и дало повод к сочинениям его родословной, принимаемой одними, оспариваемой другими лицами, претендовавшими на родство с ним» (Дж. Уинсор. «Христофор Колумб и открытие Америки». Перев. с англ., СПб., 1893).

Мертвая хватка в молодом еврее... – По-видимому, Маяковский при создании стихотворения «Открытие Америки» исходил из многочисленных версий о родословной Колумба. Известно, что существует более шестидесяти нотариальных актов того или иного рода, на основании которых исследователи-биографы строили родословное

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
древо Колумба.

Любой португалишка дает тебе фору! – Приблизительно в 1476 году Колумб переселился из Италии в Португалию. Португальцы того времени имели репутацию самых опытных и бесстрашных мореходов Европы. С 1486 года Колумб поступает на службу Испании, где генуэзцы пользовались привилегированным положением.

Тропики. Впервые – газ. «Красный Крым», Симферополь, 1926, 11 июля и в журн. «Красная нива», М., 1926, № 36, 29 августа (с рисунками Маяковского).

Написано по возвращении из Америки, в первой половине 1926 года.

Мексика. Впервые – журн. «Огонек», М., 1926, № 1, 3 января – вместе с фотографиями, снятыми поэтом в Мексике.

В прижизненном Собр. соч. (т. 5) стихотворение датировано: «Мехико-Сити. 20/VI, 1925», но в Мексике поэт находился в июле, следовательно, надо – 20/VII, 1925.

В журнальной публикации («Огонек»), кроме фотографий, был дан авторский комментарий.

«Вера-Круц – порт Мексики.

Сюда подплывали открыватели Америки, отсюда в 1519 году напали на Мексику испанские завоеватели – войска генерала Кортеса. От этих маисовых полей к столице поднимаются восстания революционных крестьян, в эту гавань вплыл и я.

Первое бросившееся в глаза – красное знамя с серпом и молотом на одном из домов пристани, – нет, это не отделение советского консульства. Этот флаг вывешивают на доме члены «союза неплательщиков за квартиру» – организация – гроза домовладельцев. Въехали, вывесили флаги и даже не интересуются вершками жилплощади.

Как непохожи носильщики-индейцы на героев Купера, легендарных (только на мексиканских плакатах оставшихся) краснокожих, горящих перьями древней птицы Кетцаль, птицы-огонь.

«Гачупин» – добродушное презрительное название (время стерло злобу) первых завоевателей Мексики – испанцев.

«Гринго» – кличка американцам, высшее ругательство в стране.

Кактусовый «пульке» – полуводка, полупиво, – это все, что осталось от древней и ацтекской Мексики.

Памятник Гватемоку, вождю ацтеков, отстаивавшему город от испанцев, да черная память о предавшем последнем индейском царе – Моктецуме.

Потом чехарда правительств. За 30 лет – 37 президентов: Гваделупы, Хуэрты, Хуаэрецы, Диецы.

И сейчас стоит в тропическом саду Чапультапеке дворец генерала Кайеса.

Быть министром Мексики – доходная профессия; даже министра труда, «рабочего министра» – Маронеса рисуют не иначе, как с бриллиантами во всех грудях и манжетах.

Кроме таких «рабочих вождей», есть и другие – водители молодой коммунистической партии Мексики.

Через расстрелянного вождя крестьянской революции Запату к коммунисту – депутату Вера-Круц (недавно убитому президентскими бандами) Морено – один путь, одна линия борьбы за свободу и жизнь мексиканских рабочих и крестьян.

Морено вписал в мою книжку, прослушав «Левый марш» (к страшному сожалению, эти листки пропали по «независящим обстоятельствам» на американской границе):

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

«Передайте русским рабочим и крестьянам, что пока мы еще только слушаем ваши марши, но будет день, когда за вашим маузером загремит и наше 33» (калибр кольта).

Морено убили.

Но товарищи, стоящие рядом, – Гальван, делегат Крестинтерна, Карио – секретарь партии, Монсон и др., твердо верят и знают, что над мексиканским арбузом («зеленое, белое и красное» знамя Мексики введено «по преданию» отрядом, отдохавшим после сражения, прельщенным цветами поедаемого ими арбуза) взметнется красное знамя первой коммунистической революции Америки».

Этот комментарий в сокращенном виде был включен поэтом в Собрание сочинений.

Монтигомо Ястребиный Коготь... «Бледнолицый Брат». – Этими прозвищами называют себя персонажи рассказа А. П. Чехова «Мальчики» (1887).

...Изабелла, жена короля Фердинанда – испанская королева Изабелла (1451–1504). Ее браком с арагонским королем Фердинандом (1452–1516) было завершено объединение Испании. В годы их царствования началась испанская колонизация Америки.

...сарape и Гваделупу. – Сарape – старинная национальная одежда мексиканцев. Гваделупа (Гвадалупе Виктория) (1786–1843) – первый президент Мексики (1824–1829). Возможно, здесь и другое истолкование: Гваделупа – традиционный образ богоматери.

«Смит и Вессон» – система револьвера.

...там, где город выбег на окраины прощаться перед вывеской муниципальной «Без штанов... – см. в книге «Мое открытие Америки»: «Говорят, муниципалитет повесил на одной из застав, вводящих в Мехико-сити, для усвоения чересчур натуральных индейцев вывеску: «В Мехико-сити без штанов вход воспрещается».

...встают взамен одного Запаты Гальваны, Морено, Карио – Запата (Сапата), Эмилиано (1877–1919) – вождь крестьянского революционного движения в Мексике, предательски убит. Гальван, Урсоло – «Товарищ Гальван, представитель Мексики в Крестинтерне, организовал в Вера-Круц первую сельскохозяйственную коммуну с новыми тракторами и с попытками нового быта. Он как настоящий энтузиаст рассказывает о своей работе, раздает фотографии и даже читает стихи о коммуне» («Мое открытие Америки»). Карио, Рафаэль (р. 1903) – «Товарищ Карио, еще совсем молодой, но один из лучших теоретиков коммунизма – и секретарь, и казначей, и редактор» (там же).

Богомольное. Впервые – газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1926, 23 февраля.

Кафедраль – богомольнейший из монашеских институтцев... – Ср. в книге «Мое открытие Америки»: «...огромные новые соборы, вроде брата Нотр-Дама – кафедраль на площади Сокола... Правда, упомянутым кафедралем для молитв пользуются мало – у кафедраль с одной стороны вход, а с другой – четыре выхода на четыре улицы...».

Мексика – Нью-Йорк. Впервые журн. «Шквал», Одесса, 1926, № 23, 26 июня, под заглавием «От кактусов до железа».

Бродвей. Впервые – журн. «Красная нива». М., 1926, № 4, 24 января, с указанием даты: «6 августа, Нью-Йорк» и следующими примечаниями автора:

«Чуингам» – жвачка, которую жует вся Америка. Мек моней? – Делаешь деньги? – вместо приветов. Бизнес – дело. Собвей – подземная городская железная дорога. Элевейтор – воздушная городская железная дорога. Кофе Максвел гуд ту ди ласт дроп. – Реклама Нью-Йорка: «Кофе Максвел хорош до последней капли». Гау ду ю ду – привет при встрече».

Свидетельствую. Впервые – журн. «Красная нива», М., 1926, № 17, 25 апреля.

Барышня и Вульворт. Впервые – журн. «Экран», М., 1925, № 37, 25 декабря, со следующими примечаниями автора:

«Тайпистки – машинистки. «Дрогс сода грет энд феймус компани нейшенал». – «Великая и знаменитая национальная компания шипучих напитков» – название парфюмерного магазина, при котором всегда имеется стойка для питья вод и еды мороженого. Опен, опен ди дор. – Открой, открой дверь. Ай лóв ю. – Я люблю вас. Май гóрл. – Моя девочка. Волстрит – улица банков в Нью-Йорке».

Вульворт (Вулворт-билдинг) – один из крупнейших небоскребов Нью-Йорка, построен в 1911–1913 гг., архитектор К. Гилберт.

Небоскреб в разрезе. Впервые – журн. «Красная нива», М. 1926, № 1, 3 января.

Американские русские. Впервые – «Новая вечерняя газета», Л., 1926, 9 января.

Публикация в кн. «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка» сопровождалась следующими примечаниями автора:

«Апойнтман – свидание. Апартамент – квартира. Блок – квартал. Стриткара – трамвай. Трен – поезд. Тикет – билет. Корнер – угол. Бутлегер – торговец спиртом. Бордер – квартирант. Джеб – работа. Офис – место службы».

В книге «Мое открытие Америки» Маяковский пишет: «Я писал уже о массе иностранцев в Америке... они живут десятками лет, не теряя ни языка, ни обычаев... Язык Америки – это воображаемый язык Вавилонского столпотворения».

Бруклинский мост. [8] Впервые – журн. «Прожектор», М., 1925, № 24, 31 декабря.

Бруклинский мост. – В 20-е годы один из самых больших в мире подвесных мостов (общая протяженность 2,5 км.). Этот мост соединяет лежащий в устье реки Гудзон остров Манхаттан, на котором расположена центральная часть Нью-Йорка, с Бруклином – частью Нью-Йорка на острове Лонг-Айленд.

...в вечерней сереющей мерещи... – Мерещь (неологизм) – вечерний сумрак, в котором очертания предметов становятся фантастическими.

100 %. Впервые – журн. «Новый мир», М., 1926, № 1, январь.

Впервые прочитано под названием «Ол райт» во время выступления Маяковского в Нью-Йорке 4 октября 1925 года.

Шеры – акции.

Вызов. Впервые – газ. «Коммунист», Харьков, 1926, 14 февраля. Публикация в журн. «Шквал», Одесса, 1926, № 26, 3 июля, сопровождалась следующими примечаниями автора:

«Риверсайд – богатая часть города. «Белая лошадь» – марка водки-виски. Депортация – высылка. Бродвей – ярчайшая улица Нью-Йорка».

Порядочный гражданин. Впервые – газ. «Бакинский рабочий», Баку, 1926, 26 февраля. Публикация в журнале «Новый мир», М., 1926, № 3, март, сопровождалась следующими примечаниями автора:

«Бусы – автобусы. Элевейтор – воздушная железная дорога. Куни-Айленд – остров увеселений. Сенк'ю – благодарствую. Менаджер – представитель, организатор. Клоб – палка полицейского».

...пялит руку ваша свобода над тюрьмою Элис-Айленд. – Имеется в виду статуя

Стихи об Америке. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!